

К.А. Свасьян

Карл Баллмер

Послесловие к книге Карл Баллмер "Ламоне21.2.51".
"Реквием по Эберхарду Гризебаху". Evidentis, 2005.

О Карле Баллмере больше, чем о каком-либо другом, исключительном, современнике, можно сказать: неизвестен. Неизвестен не в смысле непризнанности, замалчиваемости или как бы это ни называлось, а просто по своей невидимости. Он - мыслитель-невидимка, мыслящий настолько иначе, необычно, небывало, что мысль его незамеченной проходит через закрытые двери нашего восприятия. Эпохе Ясперсов угодно было на такой манер расписаться в собственной немочи, проморгав духоведа, ранг которого не допускает иной оценки, кроме трансцендентного. Можно знать, или догадываться, что невидимое (настоящее, а не, скажем, ребяческое) лежит не за вещами, а в вещах, и что упрямее всего и досаднее всего не видят вещи, на которые смотрят в упор. Хотя один из текстов, представленных в этой книге, был опубликован в 1946 году¹, а другой, датированный 1951 годом, впервые в 1996-м², впечатление таково, что в опубликованности незримость их нашла себе едва ли не более адекватную форму, чем в десятилетиях их заархивированного небытия. Если допустить при этом, что и русскому читателю повезет не больше, чем читателю немецкоязычному, для которого Баллмер либо ничего не говорящее имя, либо - уже по прочтении, в упор, любых нескольких строк - сумасшедший, то целесообразность публикации этого текста на русском языке, как, впрочем, в свое время, и в оригинале, диктуется соображениями некой метафизической прагматики, образец которой мы находим в конце одной из проповедей Мейстера Экхарта³: "Благо тому, кто понял эту проповедь! Если бы здесь не было ни одного человека, я должен был бы сказать её этой церковной кружке". В конце концов почему бы одному неизвестному в оригинале "*автору*" не удвоить свою неизвестность, став неизвестным и в переводе, причем оба раза в перспективе абсолютного читательского проигрыша? Книга - раскопанный клад, и если углубленным в себя читателям угодно проходить мимо, то бесполезно кричать им в ухо то да сё, когда уместнее всего пожелать им дальнейших самоуглублений. Особенно, если книги, о которых идет речь, не совсем книги или, на фоне массы прочих, совсем не книги. Баллмер (сумма написанного им и хранящегося в государственном архиве кантона Аарау превышает три тысячи страниц) - не писатель, если понимать под писателями тех, кто пишет книги; писать книги, как книги, никогда не было его занятием. Писатель - это, по обыкновению, более или менее удачный клон с Нарцисса и Прокруста, любосластец, берущийся за перо, чтобы - на виду у всех - попасть в себя, как в яму, и позировать из себя, как из ямы; о случае Баллмера можно было бы сказать словами Леона Блуа, не забывая, впрочем, что сам он никогда и ни при каких обстоятельствах не сказал бы (не подумал бы) ничего подобного, просто потому, что сказать (подумать) такое, значило бы заметить это и лишний раз попасть в себя, как в яму: "Мне отдадут справедливость, что я не пренебрег ничем, чтобы обеспечить успех моих книг"⁴. Еще раз: он не писатель уже хотя бы на том основании, что для написанного им нет читателей. Не потому, что его читатели не родились еще, а потому, что они, видимо, еще не умерли: пшеничные зерна, откладывающиеся упасть в землю... Модники от философии поспешили с выводом о смерти автора, где смерти (скорейшей) следовало бы пожелать читателю; читатель, не умеющий сам умирать в ином чтении, бывает иным чтением убит, после чего ему не остается иного выбора, как искать, находить и читать только те книги, которые он, будь у него время, по дури мог бы написать и сам. (Не случайно, что одной из характерных черт нашего времени является стирание границ между писателем и читателем, створение обоих в трансвеститной фигуре критика.) Но хорошим критиком был бы тот, кто не щеголял бы легкомысленной логореей, а выступал бы в роли диетолога *sui generis*, знакомящего читателей с особенностями душевно-духовной диеты и обращающего их внимание на состав книги, срок её годности, степень наличия в ней отравляющих веществ и т.п., чтобы читатель заведомо знал, что? ему полезно, а что? противопоказано, какие книги ему следовало бы читать, а каких избегать, чтобы голова не мучилась несварением и не урчала... Хороший критик - посредник между автором и читателями, защищающий автора от читателей, а читателей от самих себя. И раз уж об этом зашла речь, отчего бы не воспользоваться случаем и не рискнуть дать читателям следующий дружеский совет: Карла Баллмера ни при каких обстоятельствах не следует читать "*на сытую голову*", то есть, на голову, заполненную всякого рода знаниями и мнениями; нужно просто подумать о том, что делается с этими знаниями, когда мы, скажем, спим, зеваем, утоляем голод, боеем, выздоравливаем, просто "*живем*". Их просто нет как нет, а нет их, потому что когда они есть, они всего лишь бутафория, выставленная в витрине головы. Лучше всего, не обращать на них внимания, настроиться, как если бы их и не

было вовсе, и читать на совершенно пустую ("нищую духом") голову. Пустая голова - издевка и оскорбление в словнике интеллектуала - имеет то преимущество над заполненной, что легче и жаднее вбирает в себя чужие значительные мысли, которые, по переваривании, должны уйти в забвение (в волю), чтобы освободить место новым. С головой, набитой знаниями, дело обстоит не лучше, чем с брюхом, набитым едой: они неповоротливы и невосприимчивы. О пустую голову мысли (извне, из книги ли, разговора ли) ударяются, как о гонг, и времени, пока они раззвучиваются, как раз достаточно для загадочного процесса, называемого пониманием. Следовало бы научиться разделённому чтению, в том самом смысле, в каком учатся разделённому питанию; от недопустимых, невозможных сочетаний мыслей отравляются душевно, как отравляются физически от недопустимых, невозможных сочетаний пищевых продуктов. Читать Баллмера глазами, привыкшими, скажем, к Бердяеву, - всё равно, что слушать последние трансцендентные квартеты Бетховена ушами, в которых ещё звучит высокопарно-пошлая надменная белиберда. Баллмер - об этом следует знать с самого начала - необыкновенно трудное чтение. Состав его текстов - умершие, живущие в его сознании, как мысли: необыкновенно чисто, основательно, красиво продуманные мысли. Что здесь особенно сбивает с толку тусовочный тандем писателей, читателей и критиков, так это то, что местом происхождения названных мыслей оказывается именно сознание, донельзя трезвое, живущее в повседневном сознании. Тандем не имел бы ничего против "потустороннего", веди оно себя прилично и сообразно конвенции, то есть, сиди оно себе в колодце "бессознательного" и не мешай оно "нам" работать. Тандем, более того, даже приветствовал бы периодические вылазки бессознательного в сознание, при условии что сознающим делалось бы от этого дурно: до потери сознания либо - в более рентабельном варианте - до ясновидения, экстрасенса, парапсихологии, мистики или, скажем, бердяевской белиберды. Случай Баллмера скандальный. Ему бы простили всё, любую дичь, не обойди он столь бесцеремонно законы жанра, сойди он, ну хоть чуть-чуть, с ума, стань он, ну хоть чуть-чуть, эксцентричным, экзотичным, непредсказуемым, "гениальным" - в рамках развлекательных программ по жанру "жизнь замечательных людей". Нельзя же, в самом деле, сохранять сознание и быть в уме там, где нормальные люди (нормальные обыкновенные, как и нормальные необыкновенные) теряют сознание и сходят с ума! Вывод напрашивался сам собой: так может вести себя только не-нормальный. Сначала, из уважения к логике, отдельно: не-нормальный, а после уже и слитно: ненормальный. Он знал это, понимал это и относился к этому с вполне осознанной отрешённостью: "То, что я, в более чем однозначном смысле, слышу сумасшедшим, беспочинит меня меньше, чем другая забота, именно: способны ли опознать в сумасшествии строго методический характер"⁵. Читательская публика на Западе никогда не чуралась сумасшедших авторов, предпочитая им нормальных; совсем наоборот: спрос на сумасшествие, особенно сегодня, велик, как никогда; иные авторы лезут из кожи вон, чтобы начинить свою продукцию сумасшедшинкой и достучаться до читателя. Интересно при этом то, что сумасшествие, которое они, подчас отнюдь не без глянца, симулируют в книгах, в оригинале настигает их там, где они меньше всего о нем думают; какой-нибудь Лакан безумен, не когда он пишет свои тексты, а когда он их как раз не пишет. Стряпая очередной текст и продумывая симулякры сумасбродства, он трезв и нуден, как при пересчете сдачи с крупной купюры; невменяемость его лежит не в его *cogito*, а в его *sum*, так что безумен не его обмозгованное безумие, а сам он и есть - безумный. Его расчетливость, сбившая бы с толку иного брокера, в том, что он наверняка знает, какого именно безумия ждет от него читатель; он схож и родственен в этом с политиками, которые рассудительно сходят с ума *coram publico* и впрямь оказываются умалишенными, когда остаются наедине с собой. Короче, если это и сумасшествие, то востребованное, оплаченное, развлекательное, разовое. "Методически строгое" сумасшествие писателя Баллмера действует до того отрезвляюще, что хочется защититься от него незнанием, нечтением, которое, иносказательно, и есть смерть читателя, не поволенная, осмысленная смерть в авторе, а, свободно по Гегелю⁶, "самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды". О такой смерти говорят: нелепая; говорят: умер нелепой смертью, вместо: жил нелепой жизнью - вместе и иносказательно: до того объелся нелепых книг, простите за каламбур, *налакался*, что испустил дух уже при первой же осмысленной.

Вопрос вполне уместный и достойный золотого журналистского пера: *кто же он всё-таки, этот никому не известный господин Баллмер?* Наверное, можно было бы, поверх всех психографических отклонений от темы, вспомнить, наконец, и о биографии, если, конечно, таковая у названного господина вообще налицо! Ситуация не лишена подвоха или даже тупика, из которого, как известно, легче всего выходят те, кто и не догадываются, что находятся в нем.

Можно, впрочем, время от времени покидать тупик и более достойным образом, именно: зная, что находишься в тупике и, главное, что за это тупик. Парадокс баллмеровской биографии в том, что, ничего о ней еще не зная, естественным образом стремишься восполнить пробел; читая же его, то есть, узнавая его в мысли, всё больше и больше проникаешься ощущением, что, кроме так названного, тут, по существу, нечего больше и узнавать. Биография Карла Баллмера состоит не из разделов жизнь и мысль, а из сплошного целого *мысль*, которое при желании читается и как *жизнь*; из этой биографии едва ли можно выудить больше внешних фактов, чем это требуется необходимостями его духовного существования. Биографам и журналистам здесь нечего делать; всё, что могло бы привлечь их внимание и быть ими замечено, сведено здесь до минимума; он жил не больше, чем это было нужно, чтобы мыслить, а мыслил он - решительно всё, причем связь между помысленным и прожитым оказывалась не прямой (что действительно было бы сумасшествием), а осознанно и с необыкновенной элегантностью опосредованной случайностями повседневного существования. Мы попали бы в самое сердцевину парадокса, обратив внимание на то, что в мысли этой не мыслится, по существу, ничего иного, кроме смерти, что и сама мысль эта, далее, есть смерть, которая первее всякой жизни и не уничтожает жизнь, а - дарует её (Баллмер: "[...] "жизнь" в смысле духовной науки есть принципиально "жизнь после смерти", соответственно: жизнь из воскресительной силы одного Умершего"⁷). Всё это следует принять во внимание, имея дело с баллмеровским инкогнито, чтобы раз и навсегда отложить в сторону бойкое, "золотое", журналистское перо... Карл Баллмер родился 23 февраля 1891 года в Аарау (Швейцария). С 1909 по 1911 учился в школе прикладного искусства в Базеле, после в мюнхенской Академии художеств. В 1915 году состоял при штабе швейцарской армии в Берне, служа в бюро прессы и занимаясь в свободное время живописью. Этот отрезок жизни он обозначит впоследствии как "тяжелейший длительный кризис самоуничтожения, сопровождаемый посягательствами и покушениями на физически-телесное существование". "В возрасте от 20 до 27 лет я представлял собой, из отчаяния найти в жизни какой-либо смысл, случай особо опасного кандидата в самоубийцы. Собственно, я должен считать чудом, что серия тяжелых насильственных припадков самоуничтожения имела негативный исход"⁸. Интересно, что в названном отчаянии начисто отсутствуют элементы бытового и личного (в расхожем смысле) порядка; это чисто философское, если угодно, трансцендентальное отчаяние, не просто мутящее голову (и тогда либо логически усмиряемое, либо продолжающее мутить и дальше), а бесчинствующее во всем человеке, парализуя жизненные силы и грозя погубить "без возврата"; болезнь, которую, по аналогии, скажем, с коронарной недостаточностью, можно было бы обозначить как смысловую недостаточность, именно: смысла, не того или этого, а вообще, недостаёт, как недостаёт воздуха, отчего - в буквальном смысле - задыхаются. Осенью 1918 года - "в последний час для меня" - он знакомится с Рудольфом Штейнером. "Я обязан Рудольфу Штейнеру своим существованием (буквально)". Сначала это были книги Штейнера, которые он получил от своего цюрихского знакомого, Романа Бооса. "Со всей осторожностью Боос толковывал мне, свирепому скептику, [...] представления о Рудольфе Штейнере. Решение, однако, не заставило себя ждать: читая конспекты лекций Рудольфа Штейнера, полученные мной от Бооса, я понял и объявил следующее: это наука, как искусство. Теперь для меня могла начаться ориентация на смысл жизни. С этим смыслом я вскоре познакомился для себя и лично в Рудольфе Штейнере". Чтобы понять, что? могла бы означать "наука, как искусство", нужно увидеть это глазами художника Баллмера, в перспективе следующего отрывка⁹: "Два художника, один, если угодно, из Стокгольма, другой из Мадрида, встречаются в картинной галерее одного современного мегаполиса. Устав от скуки, они слоняются по нескончаемым залам. Тут внезапно и происходит это, они останавливаются где-то и говорят, не сговариваясь: "Хорошо!", и больше ни слова. Они обмениваются взглядом - и в это мгновение имеет место одна из редкостных встреч от человеческого духа к человеческому духу - в действительности и в настоящем". Не то, чтобы встреча со Штейнером (увиденное, как искусство, тайноведение) спасла 27-летнего кандидата в самоубийцы от смерти; она лишь усугубила его поиск смерти, лишив смерть бессмысленности и обнаружив её как смысл жизни¹⁰. Бессмысленность смерти - в неумении проникнуть в неё сознанием и опытно; такая смерть есть не что иное как "отсутствие сознания поверх смерти"¹¹. Опыт смерти, как жизнь в смерти (всё равно, до или после телесной смерти), одинаково враждебен для атеистов и теистов, католиков, православных, левых, правых и никаких; люди в ярье готовы заключить союз с самыми отвязленными безбожниками и циниками, хоть с самими собой, если предметом умного посягания оказывается смерть, как опыт сознания. Встреча со Штейнером - первофеномен баллмеровской биографии, её основной и, по существу, единственный факт. Отчаяние найти в жизни смысл - причем для удавшегося штирнерианца Баллмера¹² речь шла не о каком-то абстрактном, просто вычитанном где-то смысле, а о персонально явленном, - могло увенчаться или бессмысленным актом самоуничтожения, или, в

противном случае, таким потенцированием смысла, небывалости которого, с противоположного конца, позавидовали бы отцы-основатели театра абсурда. Формула Баллмера *urbi et orbi*, с момента этой встречи, отвечает стилистике *"приглашения на казнь"*: "Или мир вообще лишен смысла, или у него есть смысл, который дает ему Рудольф Штейнер", именно: *"дает ему"*, а не, скажем, *"находит в нем"*, что, по Баллмеру, было бы не просто уступкой демону дурацкой корректности, а непростительным искажением сути сказанного. Всё, что, начиная с этого времени, выходит из-под его пера, вращается ("таков смысл моей кармы") вокруг этой формулы, педагогическое назначение которой в том, чтобы - привести в бешенство, разъярить и тем самым спровоцировать к её опровержению всех тех, кто находит в мире иной смысл, чем названный, именно, через иные инстанции, скажем, веру, традицию, университетскую выучку или просто по инерции, привычке, недомыслию. При условии, разумеется, что речь шла бы о предметном, философски объективном опровержении, а не очередном брызгании слюной всякого рода интеллектуальных или оккультных недоумков. В 1918-1920 гг. Баллмер живет в Дорнахе (у Базеля), где принимает участие в работе над первым Гётеанумом; в октябре 1920 года по приглашению Штейнера он читает три лекции об искусстве в рамках первого курса Высшей Духовной школы при Гётеануме. В конце 1920 года он переезжает в Германию, где, прожив некоторое время в Мюнхене, Штутгарте, Берлине, оседает в Гамбурге. Биография этого (и уже всего оставшегося) времени - интенсивные занятия в области философии, теологии и естественных наук. Параллельно он занимается живописью, много рисует, становится членом гамбургского Сецессиона; картины его, оцениваемые приблизительно в ту же цену, что и картины Кандинского и Клее, вывешиваются на многих выставках (в Альтоне однажды рядом с Кандинским, о чем он не без удовлетворения сообщает в одном письме, хотя Кандинский был ему не по душе)¹³. Сохранился его письменный ответ на вопрос о роли бессознательного в его художестве: "В жизни моих представлений и ощущений различие сознания и бессознательного едва ли играет какую-либо роль. Я испытываю инстинктивную неприязнь к мысли, допускающей какое-то каузирующее бессознательное. От своего философского учителя (Рудольфа Штейнера) я перенял воззрение, согласно которому в будущем представление о каузальности вообще будет заменено в высших областях представлений понятийной парой сущность и явление. Философ работает над объективацией сущности, художник приводит сущность к явлению"¹⁴. Можно сказать и так: философ мыслит то, что художник видит; мысль объективирует виденное, виденное являет мысль. Живопись Баллмера - это мысль в форме восприятия, его философия - это восприятие, как мысль. Художник Баллмер увидел Штейнера, прежде чем философ Баллмер мог его понять, то есть, осмыслить увиденное в понятиях. "Из всего пережитого мною в Дорнахе должна была возникнуть интенсивнейшая потребность заложить себе, путем приобретения обширной основы знаний в области философии и прочих наук, фундамент, который *оказался* бы достаточным для абсолютно самостоятельной оценки раскрученных доктором Штейнером познавательных и научных проблем"¹⁵. *"Абсолютно самостоятельно"* - в этом весь Баллмер, ученик сознания¹⁶; в этом же причина неприятия его антропософами, самостоятельности которых только и хватает что на кончик языка. В 1928-29 гг., он издает в Гамбурге "Листки Рудольфа Штейнера" (вышло всего пять номеров) с целью представить штейнеровскую мысль, под знаком приведенной выше формулы, на суд философской и научной общественности. "Для меня несомненно, что творение Р. Ш. выглядело бы просто курьезом, если бы не удалось увязать его с образовательным уровнем эпохи"¹⁷. Усилия - по сути, бескомпромиссный вызов стражам университетской учености посчитаться с духовной наукой по меркам строжайшей философской притязательности и в контексте обширных историко-философских и новейших философских привлечений - наткнулись на глухоту; если и удалось привести кое-кого из *"ответственных"* в бешенство, то без того, чтобы за взбешенностью последовали опровержения. А жаль, ведь опровергать было что (хотя бы, при неудаче, и пришлось пустить себе - *"философски"* - пулю в лоб); под угрозой ведь оказывалась не только идеальная сторона дела, но и фактическая; ведь надо же было до такой степени быть лишенным чувства собственного философского достоинства, чтобы никак не среагировать на следующую чудовищность: автор "Листков" цитирует Макса Шелера, мысли, датированные 1926 годом¹⁸ и притязающие быть радикальнейшими, революционными рекомендациями по выходу философии из тупика традиции; параллельно эти же мысли, причем в более радикальной форме, приводятся в изложении Штейнера (в самых ранних, начальных его трудах), опережающем современность на целых четверть века; но гвоздь даже не в самом опережении, а в том, что Штейнер начинает с того, на чем Шелер кончает: с необходимости выхода западной философии из тупика. Начать с выхода значит, однако, не только выйти, но и пойти дальше; в 1926 году, через год после смерти Штейнера, философский антрополог Шелер постулирует (разумеется, в иной терминологической мимикрии) неизбежность антропософской духовной науки; Шелер опоздал на двадцать с лишним

лет; последние мысли философа Шелера (Шелер умер в 1928 году) суть первые мысли философского дебютанта Штейнера, тогда еще студента Венского Политехникума, вот-вот отметившего свои неполные двадцать два года таким приготовлением к будущей "науке, как искусству"; ну и где же Ваше философское самолюбие, господа молчание, читай: замалчивающие, философы, раз уж нет никакой возможности говорить о Вашей философской совести!... (Перспективам духовной науки они предпочли аграрную мистику Хайдеггера с последующей дегенерацией "мира Софии" во всякого рода Хабермасах и Деррида.) Характерно, что враждебное или никакое молчание философов вокруг баллмеровского дебюта лишь усиливалось настороженным посапыванием антропософов, даже отдаленно не смыслящих, в чем дело. Легче было заучивать тайноведческие слова и делать вид, будто всё понятно, чем дать себе труд дорасти до понимания последних рубежей современной философии, чтобы, мысленно перенесясь от них на десятилетия назад, опознать их в затакте штейнеровской мысли и, таким образом, домысливаться до антропософии не по ведомству буддобританских ребячеств, а в неслыханных измерениях "события Рудольф Штейнер" ("das Ereignis Rudolf Steiner", ключевое выражение Баллмера). Не удивительно, что баллмеровская антропософия квалифицируется официальным Дорнахом как "анти-антропософия"¹⁹, после чего он оказывается в абсолютной изоляции и бойкотируется с обеих сторон: один раз неантропософами, считающими его антропософом, другой раз антропософами, считающими его не-антропософом. (В этом, по-видимому, и лежит загадка его невидимости: он невидим ни для тех, ни для других, потому что сам он ни тот, ни другой.) Возвращение, в 1938 году, в Швейцарию можно было бы назвать эмиграцией на родину; он живет поначалу в Базеле, а с 1941 года поселяется в Ла-моне у Лугано. "Швейцарцу отказано в силу национальной принадлежности находиться в каком-либо отношении к действительности противоречия; фактически швейцарцы - это немцы, французы и итальянцы. Швейцарский социализм создал вчера в воскресенье свою партийную верхушку в Цюрихе и распространяет в сегодняшних газетах через правительственное телеграфное агентство свою "оценку международного положения" - любезные ничтожества, чуждые близости Господина действительности. Швейцарские социалисты страдают от бессознательной зависти к немецким марксистам, которые имели счастье по крайней мере в течение 12 лет иметь свой марксизм в качестве национал-социализма"²⁰. 7 сентября 1958 года Карл Баллмер умер в Лугано. Биография этих последних двадцати лет жизни отмечена пугающей растождествленностью с иллюзиями существования; по опубликованному в этой книге "джойсовскому" отрывку - своего рода сослагательному коррективу к Джойсу: чем мог бы быть Улисс, пишешь он не из литературной техники вымысла, а из непосредственно увиденной обыденности, авторы которой умершие, а действующие лица "мы" - можно было бы составить себе некоторое представление о буднях Баллмера, которому теперь, после абсолютной отторгнутости от мира, не оставалось ничего иного, как прижизненно - до завершения сроков - осваивать нелегкое *savoir vivre* умершего: не науку смерти, а её действительность. Незнание Баллмера равнозначна неизвестности уже не отдельной, сколько угодно необыкновенной, личности, а неизвестности духовного мира, неизвестности самой смерти, в которой, скажет он однажды, "интересно не то, что она убивает, а то, что она есть"²¹. Ганс Гесснер, единственный друг и свидетель этого осознанного и контролируемого умирания, воплотивший в себе преданность лучших людей своей расы, вспоминал позднее²²: "Он, способный в духе созерцать современного Христа, Христа, являющего себя в эфирном одеянии - живое существо Антропософию, - был осужден на нищету. В моих ушах до сих пор звучат слова, сказанные им, уже больным, в 1957 году: "Меня просто нет." О "Листках Рудольфа Штейнера" соответственно было сказано: "Там нечего и читать"". Можно было бы, конечно же, открыв для себя однажды Баллмера и ахнув от узнавания, увидеть в случившемся несправедливость или, напротив, необходимость или, если угодно, ничего вообще не увидеть; но если бы нам пришлось вдруг - поверх всякого рода ученого и дилетантского празднословия - воздать должное этому самому современному из всех современников, этому всегда современнику, то имеющее быть сказанным уместилось бы в ясных и бессильно замирающих в себе словах: мы знаем о Карле Баллмере не больше, чем о собственной смерти.

Базель, 30 марта 2004 года

Примечания:

1. Реквием на смерть философа Эберхарда Гризебаха, в: Schweizer Monatshefte, Heft 4, Juli 1946; перепечатан в: K.Ballmer, Deutsche Physik von einem Schweizer, Edition LGC, Siegen/Sancey le Grand 1995 S. 167-175.
2. В названном немецко-французском издательстве LGC.
3. Schriften, op. cit., S. 134

4. Pierre Termier, Introduction a Leon Bloy, Paris s. a., p. 125.
5. Из наброска одного неопубликованного письма 1942 года, предположительно к бернскому теологу Мартину Вернеру. Я цитирую его в своем послесловии к книге: K. Ballmer, Umriss einer Christologie der Geisteswissenschaft. Texte und Briefe, Rudolf Geering Verlag 1999, S. 213.
6. Феноменология духа, гл. «Абсолютная свобода и ужас» (пер. Г. Шпета).
7. Elf Briefe über Wiederverkörperung, Verlag Fornaseila, Besazio 1953, S. 26.
8. Из письма к Марии Штейнер от 2 сентября 1932 года. Очень редкое личное признание в случае Баллмера, крайне неохотно и только по необходимости говорящего о себе, а тем более так и такое.
9. K. Ballmer, Kleine Geschichtsphilosophie. In: Der Macher bin ich, den Schöpfer empfangen ich, Verlag Fornaseila, Besazio 1967, S. 23.
10. Из одного позднего (неопубликованного) письма от 25 октября 1945 года: «Сельдвильцам [по названию сборника новелл Готтфрида Келлера: «Die Leute von Seldwyla», 1856; что-то вроде швейцарского аналога обломовщины — К. С.] впору наконец догадаться, что если некто К. Б., вместо того чтобы пустить себе пулю в лоб, проявляет интерес к Р. Шт., то это не частная любительская выходка какого-то делинквента, а знак того, что духовно недокормленным предоставляется случай научиться чему-то настоящему».
11. Рудольф Штейнер в Норркёпинге 12 июля 1914 года (1 лекция цикла «Христос и человеческая душа»).
12. K. Ballmer, Max Stirner und Rudolf Steiner. Vier Aufsätze, Edition LGC, Siegen/Sancey le Grand 1995.
13. В Гамбурге мастерскую его посетил однажды Сэмюэль Беккет, записавший потом в German Diaries свои впечатления от художника Баллмера: «Изумительная красная женская голова, череп, земля, море и небо. [...] Я бы не назвал картину абстрактной. Метафизический конкрет. Всё еще условно природный, но как источник, резервуар „явления“. Совсем апостериорная живопись. Предмет не низводится до иллюстрации идеи, как, скажем, у Леже или Баумейстера, но первичен. Это — сообщение, исчерпанное оптическим переживанием, которое является его побудительной причиной и его содержанием. [...] Исключительная, неслыханная тишина». Можно догадываться (или угадывать), что сказал бы автор «Waiting for Godot», доведись ему увидеть Баллмера, рассказывающего тишину не красками, а словами? Картины сохранились отчасти в художественных галереях (в Аарау, Цуге), отчасти в частных собраниях. В 1990 году в связи с выставкой Карл Баллмер, 1891-1958 в Аарау вышел прекрасный альбом репродукций, сопровождаемых параллельной биографией художника Баллмера и множеством относящихся к ней материалов.
14. Eine Selbstcharakteristik Karl Ballmers im Hinblick auf seine schöpferische Tätigkeit. In: Der Macher bin ich, den Schöpfer empfangen ich, op. cit., S. 13.
15. Из неопубликованного письма к Хедвиг Клейнер от 23 февраля 1927 года.
16. «Я не знаю, известно ли Вам, например, что доктор Штейнер делал строгое различие между такими „учениками, которые получали от него личные наставления и упражнения, и такими, которые при всем желании и чистейшей преданности — не хотели их иметь» (Из открытого письма к Курту Леезе, опубликованного в первом выпуске «Rudolf-Steiner-Blätter» за июль 1928 года. См. K. Ballmer, Das Ereignis Rudolf Steiner, Edition LGC 1995, S. 53).
17. Из неопубликованного письма к Бернулли от 26 октября 1928 года.
18. В посмертно изданной работе Шелера: «Mensch und Geschichte», Zurich 1929.
19. В книге: H. Leiste, Anthroposophie und Anthroposophische Gesellschaft, Basel 1941, S. 193-221. Суть критики: «Баллмер пытается подчеркнуть величие Одного [Штейнера — К. С.] тем, что он соответственно умаляет значимость всех других нас...» Такая вот бертбрехтовская антропософия, по модели: историк Моммзен написал тысячу страниц о Цезаре, ни разу не упомянув его повара. Вывод: историк Моммзен возвеличил Цезаря за счет повара Цезаря. Всё это в преддверии эпохи поваров, кухарок и «всех других нас», не умеющих ничего стряпать, зато управляющих государством.
20. K. Ballmer, Umriss einer Christologie der Geisteswissenschaft, op. cit., S. 190.
21. K. Ballmer, Deutsche Physik von einem Schweizer, op. cit., S. 99.
22. Hans Gessner, Der Bodhisattva des 20. Jahrhunderts, Verlag Fornaseila, Besazio 1998, S. 12.